

Комментарий

РОССИЯ И НАТО: УКРОЩЕНИЕ СТРОПТИВЫХ

Дмитрий Поликанов

В начале апреля 2009 г. прошел юбилейный саммит НАТО. Члены Альянса договорились начать разработку новой стратегической концепции, которая бы отражала характер современных угроз и в соответствии с ними скорректировала миссию Альянса.

В итоговой декларации саммита были отмечены и отношения между Россией и НАТО. Несмотря на целый ряд разногласий, страны-члены Альянса высказались за скорейшее возобновление работы Совета Россия-НАТО (СРН) и продолжение сотрудничества в таких областях, как стабилизация в Афганистане, контроль над вооружениями, разоружение и нераспространение ОМУ, включая средства доставки, кризисное урегулирование, борьба с терроризмом и наркотрафиком, борьба с пиратством[1].

Разработка стратегической концепции – хороший повод по-новому взглянуть на сотрудничество НАТО с различными центрами силы, включая и Россию. Насколько возможно развитие партнерства между Брюсселем и Москвой? Или же прежний курс на сдержанную конфронтацию более продуктивен?[2]

В течение последних лет отношения России и НАТО развивались по синусоиде. От восторга начала 1990-х гг. и попыток пойти на сближение и присоединиться к программе «Партнерство ради мира» до поиска новых вариантов отношений в связи с первой волной расширения. От заморозок после налетов на Косово до братания после террористических атак на США в 2001 г. и начала операции в Афганистане. Затем опять аккомодация, попытка институционализировать нормальные отношения в 2002 г. через создание Совета Россия-НАТО и снова провал в связи с планами расширения и войной в Грузии.

Нынешнее состояние отношений вызывает стойкое дежа-вю. Похоже, обе стороны опять вернулись в 2000 г. с его заморозками и разморозками, поверхностными надеждами и осторожными шагами в сторону партнерства. Возникает ощущение, что, победив призрак коммунизма, и Россия, и Альянс по-прежнему живут по заветам Ильича: «один шаг вперед, два шага назад».

Последние лет десять стали эпохой упущенных возможностей для Москвы и Брюсселя. Сторонам так и не удалось укрепить доверие, а отношение друг к другу остается довольно скептическим, если не настороженно-враждебным. Большинство историй успеха – совместное миротворчество на Балканах, операция «Активное усилие», штабные учения по ПРО ТВД, учения по ликвидации последствий катастроф, подготовка кадров по борьбе с оборотом наркотиков для афганской полиции, центр переподготовки бывших офицеров российских Вооруженных сил – остаются незамеченными или забытыми. По крайней мере, информации о негативных аспектах отношений в СМИ и официальной риторике значительно больше, что отмечают и социологические опросы[3].

Программы сотрудничества, планы действий в массе своей существуют лишь на бумаге. Вот уже который год идут разговоры о совместных масштабных учениях, которые готовятся и откладываются, а между тем у России и НАТО нет примеров больших маневров, аналогичных тем, что Москва с завидной регулярностью и помпой проводит со странами ОДКБ или Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Да что говорить об учениях, если несколько лет занял процесс ратификации соглашения о статусе сил, которое наконец-то позволило обеспечить транзит невоенных грузов НАТО и легальное присутствие солдат стран Альянса в России.

Все эти годы стороны были крайне озабочены созданием инфраструктуры отношений. Однако, как выяснилось, горячие линии и многочисленные консультации, рабочие группы и офицеры связи оказываются действенными лишь в мирное время, когда обе стороны равнодушны друг к другу. Но они вдруг становятся абсолютно бесполезными в условиях даже небольшого кризиса, не говоря уже о более серьезных противоречиях – вокруг судьбы ДОВСЕ, признания независимости Абхазии и Южной Осетии, расширения НАТО и учений Альянса вблизи российских границ и т.п. Возможно, недаром говорится: если хочешь убить любое хорошее дело, создай рабочую группу.

Таким образом, если все-таки партнерство между Россией и НАТО необходимо, если оно должно стать состоятельным, то дипломатам придется ослабить галстуки, военным снять мундиры, сесть вместе и, наконец, честно оценить разногласия и те проекты, которые, напротив, сближают Россию и НАТО. Если говорить о предметах для спора, то их список должен быть предельно четким, политически стерильным, лишенным традиционной пропагандистской начинки. А набор общих дел должен включать в себя несколько конкретных проектов. Пусть их будет меньше, чем в совместном плане действий, который ежегодно утверждают Россия и НАТО в рамках СРН, но там обязательно должны присутствовать одно-два крупных мероприятия и набор менее масштабных, но осязаемых вещей, которые и будут создавать атмосферу взаимодействия между сторонами.

ПРЕДАНЬЯ СТАРИНЫ ГЛУБОКОЙ

Для того, чтобы партнерство между Россией и НАТО стало явью, обеим сторонам придется прекратить заниматься мифотворчеством. Очевидно, это сложно, учитывая, что в постмодернистском мире политика носит виртуальный характер, а российская политическая действительность уже давно в этом смысле впереди планеты всей. И, тем не менее, у каждой из сторон есть минимум три мифа, от которых можно и нужно отказаться, продемонстрировав политическую волю к сотрудничеству.

Во-первых, это распространенный в российском общественном мнении стереотип о том, что НАТО угрожает национальным интересам страны. Наличие такой установки подтверждают и опросы общественного мнения (почти две трети россиян видят в Альянсе угрозу и негативно смотрят на этот «агрессивный военно-политический блок»)[4], и экспертные интервью.

Между тем, национальные интересы России, будучи освобожденными от неприглядной пропагандистской шелухи, как ни странно, отнюдь не противоречат целям Альянса. Россия в силу своей географии обречена быть страной транзита. Это не хорошо и не плохо – это факт, обусловленный самим расположением нашего Хартленда. Более того, страна транзита, граничащая с таким большим количеством других субъектов международных отношений, крайне заинтересована в том, чтобы обеспечить себе максимально дружественное окружение. О чем и говорит последняя (да и все предыдущие) редакция Концепции внешней политики РФ.

Решить эту задачу можно разными способами. Можно вкладывать серьезные ресурсы и бороться за восстановление великодержавности. Это поможет проводить более самостоятельную политику на международной арене, использовать авторитет для оказания влияния на соседей и сохранять за счет этого территориальную целостность – вспомним знаменитый принцип А.А. Громыко про ни пяди земли не отдадим.

Но есть и другие пути и механизмы. В конце концов, учитывая масштаб российской территории, нынешнее состояние вооруженных сил и серьезную (и даже нарастающую) экономическую мощь соседей, становится очевидно, что удержать территорию военной силой будет крайне тяжело, на какие бы жертвы ради этого ни шла страна. Остановить агрессоров самим фактом великодержавности вряд ли удастся. Да и нынешние оккупанты предпочитают мягкое экономическое проникновение, которое проходит гораздо менее болезненно в современном глобальном мире.

Можно не постесняться заглянуть в будущее и нарисовать почти апокалипсическую, но вполне реальную картину того, что произойдет в следующие пять-десять лет. На востоке мы видим, как укрепляются экономические позиции Китая, которые в силу объективной логики просто не могут не вылиться в геополитические амбиции. В условиях ресурсного голода (от нефти до воды и территории), после успешной модернизации армии КНР будет обладать всеми инструментами для активной экспансии. И даже негативный сценарий России не поможет: ослабление Китая в условиях экономического кризиса или его распад и внутренняя нестабильность, вызванная обострением социальных противоречий, также не на руку Москве. Там же рядом находится еще один источник проблем – КНДР с ее непрозрачной ядерной программой, неустойчивым режимом и неясными перспективами. А ведь есть еще нерешенный территориальный спор с Японией, которая тоже наращивает свой военный потенциал.

На юге грядет массовая смена режимов и элит в странах Центральной Азии. Хорошо, если этот процесс пройдет эволюционно и безболезненно (как, например, в свое время в Азербайджане или в Туркмении). Но можно предполагать и другой сценарий – рост исламизма, серьезные межклановые противоречия и усиливающаяся конфликтность в отношениях между странами (стоит, например, вспомнить о соперничестве за лидерство между Казахстаном и Узбекистаном и о заминированных границах между некоторыми странами Центральной Азии). Одновременно откроется зеленый коридор для наркотрафика, ибо ситуация в Афганистане далека от идеального завершения.

Тут же недалеко возникает новая ядерная держава – Иран: дело уже давно не в обретении им этого статуса, а лишь в том, какой масштаб предпримет ядерная программа Тегерана. Одновременно остаются нерешенными многие проблемы на Кавказе – и история последних 20 лет и замороженных конфликтов показывает, что самостоятельно их решить Россия не в состоянии.

Далее на запад – ухудшение отношений с Украиной. По мере приближения 2017 г. при неизменности прозападного стратегического вектора в украинской политике и нынешних идеологических установок Москвы усиление напряженности просто неизбежно. Еще хуже, если Киев не сможет сдерживать ситуацию и допустит раскол страны – в этом случае, вероятно, многим из российских политологов, которые сегодня ратуют за присоединение восточных регионов Украины, придется пожалеть об исполнении их желаний. Чуть выше – страны Балтии, отношения с которыми также пока не вошли в нормальное русло, несмотря на то, что шансов за 18 лет было достаточно.

И, наконец, еще выше, на север – потенциальный конфликт вокруг Арктики, за которую так ухватились теперь и скандинавские страны, и США, и Европейский Союз.

Как ни грустно это звучит, но у современной России совсем нет друзей. Потешный полк - Беларусь, Венесуэла, Никарагуа – неэффективен в случае серьезных кризисов. Гораздо более безобидные ситуации – признание Абхазии и Южной Осетии или принципиальное согласие на отправку белорусских войск в зону конфликта в рамках коллективных сил быстрого реагирования ОДКБ – решаются Минском не в пользу России. А латиноамериканские коллеги так далеко, что их поддержка почти эфемерна.

Трудно рассчитывать и на поддержку ООН. Организация уже давно доказала, что задача гаранта мира и стабильности ей не по плечу. Наличие права вето, блокирующего любые инициативы, толкает те же США и НАТО, а порой Россию и Китай на действия в обход ООН и международного права. Кто-то делает это более элегантно (уничтожение чеченских террористов в Катаре), кто-то менее (обвинения в одностороннем подходе к международным отношениям в адрес США), но оперативное принятие решений в рамках ООН невозможно. Поэтому серьезные акции могут быть лишь легитимированы постфактум на международной трибуне. К тому же до тех пор, пока США являются главным донором ООН и целого ряда других международных организаций, было бы наивно рассчитывать на равноправный и сбалансированный подход – это не в природе человеческих отношений, а соответственно и организаций, создаваемых, в конечном итоге, тоже всего-навсего людьми.

Итак, даже если сильно сопротивляться будущему, оно все равно придет. И в условиях глобального экономического кризиса оно может прийти даже раньше, чем все ожидают. По крайней мере, общая нервность в атмосфере ощущается, так же, как и напрашиваются аналогии с серединой 1930-х гг.

Для России пришло время реально оценить риски и угрозы. Бесконечное повторение мантр, уходящих корнями еще в далекое советское прошлое, вряд ли поможет стране выйти из кризиса обновленной, войти в пятерку ведущих

стран мира и стать полноценным глобальным лидером, как об этом говорит «Стратегия 2020».

Груз проблем таков, что любые рассуждения о самодостаточности России – это вредное заблуждение. Устаревающий ядерный арсенал, колоссальная зависимость от импорта (в том числе импорта продовольствия), изнашивающаяся советская инфраструктура, истощение нефтяных и газовых месторождений (инвестиционные составляющие минимальны, и это не секрет), демографическая яма, выхода из которой пока не видно, отсутствие предпринимательской инициативы и масштабных новых технологических разработок, коммерциализированных инноваций и т.п. – перечислять можно бесконечно.

В общем, сейчас не время для иллюзий. России нужны союзники и партнеры, нужна сеть своих агентов влияния в мире, потому что лидерство держится именно на интеллектуальном потенциале.

Человечество пока не придумало иных способов завоевания союзников, кроме:

- доминирования и использования военной мощи (подавить);
- экономической помощи (купить);
- привлекательной и вдохновляющей модели развития (повести за собой собственным примером);
- совпадения интересов (твои задачи – это цели для подчиненных).

Очевидно, что ни один из этих приемов не является панацеей. Союзники уходят и приходят, предают и продают в полном соответствии с теорией о том, что нет вечных друзей, а есть лишь вечные интересы.

И все же комбинация этих четырех приемов может быть эффективной. Реалистично оценивая российские ресурсы, можно предположить, что процентное соотношение должно быть 20/25/15/40. По крайней мере, на данном этапе, а при необходимости и по ходу развития ситуации оно может меняться в пользу того или иного элемента.

С точки зрения совпадения интересов, Россия обречена на сотрудничество с Европой и с НАТО, ибо по многократному утверждению лидеров государства, мы принадлежим к европейской цивилизации. Российские национальные интересы достаточно просты – обеспечение безопасности границ и территориальной целостности, стабильность в соседних государствах, экономическая и социальная стабильность в самой России и дальнейшее динамичное развитие страны, улучшение демографической ситуации, борьба с преступностью, экстремизмом и терроризмом, экологическая безопасность...

Ни одна из этих целей не противоречит ни целям НАТО, ни возможностям сотрудничества с Альянсом и с Западом, перед которым стоят те же самые проблемы. Не противоречат западным ценностям и те исконные российские ценности, которые сформулировал президент РФ Д.А. Медведев в своем Послании Федеральному собранию РФ в 2008 г.

Во-вторых, существует миф, что НАТО скоро исчезнет. На протяжении последних 40 лет существования Альянса оно постоянно ставилось под сомнение. НАТО просто живет в перманентном кризисе. То это был выход Франции из военных структур Альянса, то споры вокруг ракетного кризиса и газового кризиса 1970-1980-х гг., то потеря миссии после распада СССР и окончания холодной войны, то рост пропасти возможностей между Европой и США, то потенциальный провал в Афганистане... Кажется, что по большому счету, воевать-то в Альянсе сегодня некому. И не только потому, что все меньше добровольцев идут в профессиональную армию, а контрактники имеют совсем другую мотивацию, но и из-за постоянного снижения военных бюджетов в Европе (которое только усилится из-за экономического кризиса).

Но, несмотря на все это, НАТО продолжает существовать. И союзникам проще находить общий язык в рамках этой структуры, решать свои проблемы на площадке НАТО, чем создавать какие-то новые платформы. Альянс сохраняет свою привлекательность для потенциальных новых членов и приобретает все более глобальный характер. Ожидать, что НАТО умрет – значит вновь строить иллюзии, которые выльются в разочарование. Надо думать о том, как выстраивать отношения с Альянсом, а не ждать его мифического распада.

И еще один связанный с этим момент. Почему же тогда Россия так боится угрозы НАТО, если эта организация неэффективна и бесполезна, близка к развалу? Нелогично. Еще более нелогично это выглядит, если учесть, что военная сила в НАТО почти никогда не использовалась для собственно боевых целей, а главным образом, служила элементом сдерживания. Попытки применить силу – в Боснии, в Косово или в Афганистане – неизменно наткнулись на ожесточенные споры и, в конечном итоге, то же формирование коалиций желающих из очень небольшого числа реальных участников.

Не стоит забывать, что НАТО существует ровно настолько, насколько простирается консенсус составляющих его стран-членов. Это не корпоративное объединение, у Альянса нет собственных вооруженных сил. Это во многом уже политический клуб, который просто объединяет государства с определенным набором ценностей и помогает интегрироваться военным и политикам из разных стран, учит их говорить на одном языке, дает координацию действий. В этом же и главная проблема – НАТО до сих пор всегда действовала реактивно, потому что члены Альянса не готовы заранее договариваться о порядке действий в будущих гипотетических ситуациях. НАТО не сможет предотвратить новый геноцид где-нибудь в Руанде, потому что на согласование позиций и отправку контингента уйдет очень много времени. Стоит ли бояться такого бумажного тигра? Ответ очевиден – нет. Но стоит максимально задействовать в своих целях имеющийся у него потенциал.

В-третьих, есть распространенное мнение, что НАТО – это лишь игрушка в руках США, которые только и озабочены тем, чтобы ослабить Россию. Конспирологические теории имеют право на существование, но не должны становиться основой политики. Вашингтон обладает серьезным влиянием на союзников, но он и зависим от них. И раскол вокруг войны в Ираке продемонстрировал это со всей очевидностью.

Россия давно уже не находится в списке главных приоритетов американской внешней политики. Это факт, который отмечают многие российские и западные эксперты. Поэтому мнить себя объектом американских козней, по меньшей мере, неразумно. Скорее многие действия американцев вызваны их неповоротливостью слона в посудной лавке, который по ходу дела задевает и какие-то интересы РФ.

Кроме того, Соединенные Штаты со всей их непредсказуемостью и односторонними действиями порой несут гораздо меньше подвохов, чем многие российские союзники – те же Беларусь, Казахстан, Кыргызстан или Таджикистан. И просчитать политику США, договориться с Вашингтоном по некоторым вопросам проще, чем с партнерами по ОДКБ или Китаем. Все это лишь означает, что стороны просто должны обеспечить большую прозрачность в своих отношениях и большее уважение к интересам друг друга, чтобы проблема превратилась в возможность.

В свою очередь, от мифов предстоит избавиться и Альянсу.

Во-первых, НАТО и Запад в целом должны научиться понимать и воспринимать российскую психологию, логику действий Кремля. Это и исторически унаследованная Москвой вера в великодержавную особую миссию, и подозрения в отношении военного альянса, с которым последние полвека были скорее противниками, и недоверие, вызванное нежеланием НАТО держать обещания. Самых больших разочарований тут традиционно два – клятва не расширяться, данная М.С. Горбачеву, и нападение на Сербию, которое и через 10 лет не превратилось лишь в исторический факт, а по-прежнему будоражит умы бывшей сверхдержавы, которая вполне сознательно самоудалилась с Балкан.

К этим психологическим особенностям Альянс должен относиться с терпением и уважением, потому что они, по законам социологии, реальны в своих последствиях. Это не паранойя, как кажется, некоторым на Западе – это менталитет, который требует соответствующего уважительного отношения. Пока получается так, что это не Россия непредсказуема, а Альянс не хочет слышать и воспринимать озабоченности Москвы. Любые жалобы на то, что Россия что-то где-то не озвучила, несостоятельны – речь В.В. Путина в Мюнхене, совместные заявления Д.А. Медведева и Николая Саркози, четкость формулировок в Концепции внешней политики и Обзоре внешней политики РФ крайне красноречивы.

Во-вторых, Альянсу стоит прекратить возводить барьеры, иногда излишне поспешно следуя воле радикальных политиков из некоторых стран Восточной Европы. Ведь проблема расширения НАТО не в том, что организация расширилась до российских границ, а в том, что она остановилась у российских границ. Все разговоры о том, что РФ не соответствует демократическим критериям и только поэтому не может быть приглашена к участию в Альянсе, несостоятельны. Критерии не объективированы, а по формальным признакам Россия (даже со сталинской Конституцией) демонстрирует полное соответствие демократическим формам. Или, по крайней мере, ведет себя не хуже, чем режимы Грузии или стран Балтии, которые считаются достойными НАТО.

Есть необходимость в открытом диалоге, в который Россия была бы вовлечена на равноправной основе, а не как чужак, против которого все занимают консолидированную позицию. СРН так и не сумел преодолеть этого отчуждения. Очень часто оно становится результатом интерпретаций, трактовок, применяемых лексических форм, интонаций и т.п. Язык тела НАТО пока воспринимается как создание разделительных линий, и Альянс должен приложить определенные усилия, чтобы разъяснить Москве все нюансы своего поведения. Россию нужно более активно вовлекать в проекты НАТО, даже если поначалу она сопротивляется, потому что только через такую совместную работу можно преодолеть взаимное недоверие. В конце концов, искусство диалога состоит не в том, чтобы договариваться с друзьями, а в том, чтобы находить точки соприкосновения с оппонентами, с крепкими орешками.

В-третьих, отношениям России и НАТО не суждено существовать в рамках партнерства, если обе стороны не начнут создавать экономическую основу. Звучит необычно, но такой базис будет прочнее любых деклараций. Это и привлечение российской авиации для перевозок Альянса, это и контракты для российского ВПК по модернизации вооружений, это совместное производство новых видов оружия, это обеспечение безопасности трубопроводов, общие программы подготовки и обучения полицейских сил и военных и т.п. Все это будет способствовать созданию лобби – и в НАТО, и в России – которое будет заинтересовано в расширении партнерства. Пока таких групп влияния нет.

ЧТО ДЕЛАТЬ?

Прежде, чем начинать любые действия, стоит обратить внимание на особенности российской бюрократической культуры. Нужен сигнал, причем сигнал недвусмысленный и сильный от руководства страны – взаимодействие с НАТО возможно и необходимо. Россия и НАТО больше не враги.

Пока это все закреплено на уровне деклараций, но не стало частью реальной политики. На практике это означает, что антинаатовская риторика и полунамеки должны быть исключены из доктринальных документов РФ и заявлений государственных деятелей. Одновременно антироссийская риторика не должна поощряться в речах и действиях членов Альянса. Подобный настрой следовало бы закрепить с помощью усилий народной дипломатии, взаимным расширением сетей неправительственных организаций, интенсификацией контактов между военными и пиар-акциями, которые изменили бы медийный фон в России и на Западе.

Очевидно, что многие проблемы сегодня возникают именно из-за плохих коммуникаций. Российские СМИ практически не представлены на Западе, иностранные СМИ малочисленны и удалены от российского общества. Почти нет острых дискуссий в духе А.М. Горчакова или Г.В. Чичерина – обе стороны избегают разговоров на чистоту, а часто и не имеют достаточно ярких ораторов, обладающих профессионализмом и смелостью, чтобы такие дебаты вести. НКО и научные центры также не являются доминирующими силами в диалоге, поэтому и этот канал перекрыт.

В то же время история знает прекрасные примеры того, что все достигаемо. Достаточно вспомнить активную внешнюю политику СССР в эпоху разрядки – тот же крутой разворот в отношениях с ФРГ, который состоялся в конце 1960 – начале 1970-х гг. Другой пример – отношения Армении и НАТО. Ереван сохраняет самодостаточность и независимость внешней политики, ведет диалог и с Россией, и с НАТО. При этом суверенитет Армении ни в коей мере не ставится под сомнение, а военные и дипломаты лишь выигрывают от обучения и в российских вузах, и на Западе.

Каковы же зоны, в которых после соответствующего политического сигнала, можно будет наблюдать наибольший прогресс? Можно пойти по пути российского правительства и предложить семь приоритетов для антикризисного плана «Россия-НАТО».

Во-первых, это ратификация ДОВСЕ странами НАТО и их вовлечение в более широкую дискуссию о новой архитектуре европейской безопасности. Всем понятно сегодня – адаптированный ДОВСЕ нужен, он работает, он помогает снижать уровень угрозы, сокращать вооружения (что актуально в условиях экономического кризиса), и он не угрожает безопасности ни одной из стран. Речь идет исключительно о политической воле, тем более что те же страны Альянса взяли в свое время обязательство подключить к ДОВСЕ страны Балтии. Во многом ситуация вокруг договора сегодня напоминает пресловутую поправку Джексона-Вэника – абсурдность ее существования всем очевидна, все на словах хотят ее отменить, но при этом каждый год чуть-чуть не хватает политической воли. Короче говоря, ратификация ДОВСЕ – это всего лишь формальность, которая не должна стать препятствием для будущего по принципу хватают мертвые живых.

Одновременно нет никакой необходимости и в противопоставлении новой стратегической концепции НАТО предложениям президента Д.А. Медведева. Напротив, при грамотном пиаре совместные усилия титанов европейской мысли – Германии и Франции – могли бы быть представлены как развитие и продолжение логики Договора о европейской безопасности, дополнение идей на всеобщее обсуждение. И это была бы уже не игра с нулевой суммой, а работа на общий результат.

Во-вторых, стороны должны продолжить работу над созданием совместной системы ПРО ТВД. Она в любом случае станет зонтиком для Европы, вне зависимости от того, воплотятся ли в жизнь американские программы. Россия и НАТО уже накопили значительный потенциал и опыт в этой сфере. Теперь необходимо конвертировать их в нечто осязаемое – в центры раннего предупреждения, радары, перехватчики и т.п. Опять же речь идет лишь о политической воле – военные давно уже нашли здесь общий язык (успешные штабные учения, преимущества российских комплексов ПВО и т.п.). Этот проект может, кстати, быть и одним из элементов упомянутого выше экономического базиса.

В-третьих, у РФ и Альянса идеальное взаимопонимание в том, что касается спасательных операций и ликвидации последствий техногенных и природных катастроф. Россия и НАТО оказывают помощь тонущим судам, отрабатывают

элементы защиты нефтяных морских платформ, готовят персонал к обеспечению безопасности ядерных объектов и т.п. Сотрудничество в этой области должно быть расширено, а коммерческое взаимодействие (те же российские самолеты для пожаротушения, не имеющие аналогов, или натовские батискафы) должно выйти за рамки эгоистического понимания национальных интересов как в России, так и на Западе.

В-четвертых, важен поиск зоны приложения миротворческих усилий. России и НАТО требуется совместная миротворческая операция. Позитивный опыт, приобретенный в Боснии и Герцеговине, не должен быть забыт, необходимо его преумножить. Таким полигоном могла бы стать Молдова, где конфликт с Приднестровьем, так или иначе, движется к разрешению. Возможно, стороны могли бы найти и менее чувствительную территорию – в Африке или на Ближнем Востоке – где было бы проще прийти к консенсусу, характер угроз был бы очевиден, а незамедлительность действий – обязательна. В такой операции в большей степени, чем в любых учениях, отработывалась бы совместимость, формировалось боевое братство. И идеально было бы не замыкать эту деятельность лишь в рамках одной бригады, которой назначено ныне сотрудничество с НАТО, а распространять и на другие части и соединения российской армии.

В-пятых, общей головной болью для России и НАТО является Афганистан. И, следовательно, вместо того, чтобы играть мускулами в Центральной Азии или ставить в затруднительное положение небольшие, но верткие государства, типа Кыргызстана, необходимо сосредоточиться на совместных усилиях по стабилизации ситуации в Афганистане. Это не означает вовлечения российских военных в операции на территории этой страны. Но нужно и дальше развивать программы противостояния наркотической угрозе, вести подготовку вооруженных сил и полиции Афганистана, обмениваться разведанными, консультировать друг друга (прислушиваясь и к советскому опыту боевых действий с моджахедами), оказывать мягкое давление на афганское правительство и т.п.

В-шестых, нужна выработка совместных подходов к замороженным конфликтам. Возможно, с каждым из них нужно работать индивидуально, а не по общим лекалам. Но любому здравому смыслу противоречит непризнание независимости Косово, Абхазии и Южной Осетии. Их независимость – это факт, это экономически состоятельные образования, народы в которых не хотят жить под одной крышей с метрополиями. В то же время федеративная модель до конца не исчерпала себя в отношении Молдовы. И нагорно-карабахский конфликт вполне разрешим, если стороны почувствуют адекватное, координированное и последовательное давление со стороны посредников.

Наконец, Россия и страны НАТО могли бы подписать соглашение о предоставлении гарантий безопасности и закреплении границ Украины, Грузии, Армении, Молдовы и Азербайджана. Одновременно все эти государства приняли бы нейтральный статус и дали бы обязательства не вступать в военные блоки. Этот элегантный выход из нынешней патовой ситуации напрашивается с учетом того, что военная польза от всех этих государств минимальна, их экономикам очень трудно тянуть бремя военных расходов и милитаризации

(тем более, в случае присоединения к какому-либо из альянсов). При этом нейтральный статус отнюдь не препятствовал бы заимствованию лучших практик и обучению в странах НАТО и в России.

Россия и НАТО должны подумать об одном-двух реалистичных пиар-проектах, которые позволили бы изменить общественное мнение с обеих сторон в пользу сотрудничества. За примерами далеко ходить не надо. Развернувшаяся ныне тихая война за Арктику – свидетельство недальновидного соперничества. Вместо милитаризации региона было бы логично начать его совместное освоение (включая контроль за защитой окружающей среды, борьбу с браконьерством и т.п.). И возможно, подумать о договоре об Арктике, который повторял бы существующий Договор об Антарктике или о Луне, являющихся, как известно, собственностью всего человечества. Еще один проект – общая борьба с пиратством. И не только у берегов Сомали, но и в Малаккском проливе, где эта проблема не менее актуальна. Разумеется, здесь практически безграничное поле для креатива и продуцирования интересных и вполне конкретных пиар-инициатив.

Таким образом, у России и НАТО есть все возможности для развертывания полноценного партнерства. В перспективе по мере трансформации отношений можно было бы говорить и о более тесных формах сотрудничества, включая вступление РФ в Альянс для отражения означенных выше истинных угроз российской безопасности. Но, даже не заглядывая так далеко, можно уверенно сказать: при наличии политической воли у сторон появляется шанс переступить через ошибки прошлого, не заикливаться на стереотипах и начать строить конструктивные отношения.

Альтернативой этому будет лишь ослабление и России, и Европы, в том числе истощение в гонке за престиж, а также рост напряженности на континенте, который может быть усилен экономическим кризисом. Времени на размышления, к сожалению, остается все меньше – в международных отношениях наступает эпоха, требующая активных действий.

Примечания
